

Глава 45. Торговля

Покупателю, по большому счету, всё равно, у кого брать свинину. Стоило Лю Тяньцзяо объявить, что за покупку мяса он даёт в подарок порцию тушёных потрохов, как к его прилавку потянулись любопытные.

— Почём за цзинь? — спросил один из прохожих. — И как это — потроха в подарок?

— Мясо по восемнадцать медяков, — бойко отозвался Тяньцзяо. — Возьмёте один цзинь — получите полпорции потрохов. Мы ими здесь уже не первый месяц торгуем, вкус отменный, все знают! Акция продлится всего три дня.

Обычная цена за порцию составляла три медяка, так что подарок стоимостью в полтора медяка был весьма щедрым предложением.

— Давно я на ваши потроха облизывался, — заулыбался мужчина. — Ладно, взвесь-ка мне цзинь мяса, только выбери кусочек пожирнее.

Мясник привычным движением отсек нужный край:

— Не беспокойтесь, свинья откормленная, с какого боку ни отрежь — всё в лучшем виде.

Покупатель, убедившись, что товар и впрямь отменный, забрал сверток и подарок, расплатился и, вполне довольный сделкой, зашагал прочь.

Разумеется, нашлись и те, кто принялся ворчать на цену.

— У других мясников, я видел, и по семнадцать медяков отдают, — заявила одна дородная женщина.

Юноша, не теряя самообладания, указал на тушу:

— Посмотрите на цвет, матушка. Свинью забил только сегодня утром, свежее некуда. Разве можно сравнивать моё мясо с тем, что продают по семнадцать? К тому же, в честь открытия я три дня дарю потроха к каждой покупке. Вы поспрашивайте, сколько они стоят, и поймёте: это куда выгоднее, чем выгадать один медяк на мясе.

Как раз в этот момент кто-то рядом покупал тушёные потроха за полную цену. Увидев, что за порцию отдают три монеты, женщина перестала сомневаться. С учетом подарка свинина выходила даже дешевле, чем у конкурентов, а по качеству — на порядок выше.

— Ладно, давай два цзиня. Значит, мне полагается целая порция?

Тяньцзяо изобразил на лице легкое замешательство:

— Матушка, помилуйте! Я ведь эти подарки затеял, чтобы новых людей привлечь, торгую себе в убыток. Если я каждому стану отдавать по двойной доле, то разорюсь быстрее, чем солнце сядет.

— Ишь, какой расчетливый гэ'эр попался! — возмутилась старуха, подбоченившись. — Что же я, по-твоему, виновата, что беру больше? Раз так, я возьму один цзинь, а остальное велю невестке купить. Неужто ей не дашь?

Продавец вздохнул, признавая поражение перед такой логикой:

— Что ж, ваша правда, против такой хватки не поспоришь. Ладно, держите целую порцию.

Старуха, польщенная тем, что ей удалось выторговать лишнее, с победным видом забрала покупки.

В городке мясных лавок было немного, и появление нового игрока на рынке не осталось незамеченным. Конкуренты быстро почуяли неладное и отправили лазутчиков разузнать, что за толпа собралась у прилавка семьи Лю.

— Неужто лавку Лю Лаода снова сдали в аренду? — шептались в толпе.

— Да нет же, это их малый, тот, что раньше потрохами торговал. Видать, мало прибыли было, решил к отцовскому ремеслу вернуться.

Один из мясников, пришедших на разведку, скривился:

— Да где это видано, чтобы гэ'эр за нож мясника брался? Того и гляди, разделает нечисто, люди еще животами маяться будут.

— Да брось ты, — возразил ему кто-нибудь из прохожих. — Глянь, как у него руки так и летают. Силища-то какая — полтуши на плечо вскинул и даже не пошатнулся.

— Сила — дело последнее, тут сноровка нужна да чутье. Помяните моё слово: не продержится он и пары недель, прогорит.

Этот человек не отличался смелостью Мясника Линя, а потому, поворчав и не найдя способа насолить юноше, лишь злобно сплюнул и убрался восвояси.

Первый день торговли превзошел все ожидания. К полудню Тяньцзяо распродал уже больше половины туши. Правда, чистая прибыль с мяса была невелика — всего по паре медяков с цзиня, а с учетом подарочных блюд доход и вовсе выходил копеечным. По сути, он торговал себе в убыток ради доброй славы.

Сяо Бао, отвечавший за тушёные потроха, с тревогой смотрел, как бесплатные порции разлетаются одна за другой. Когда к нему подошли покупатели, желающие купить еду за деньги, товара уже почти не осталось.

— Брат Тяньцзяо, неужели мы и завтра, и послезавтра будем так же раздавать добро? — прошептал он. — Мы же сегодня столько раздали...

Лю Тяньцзяо, хоть сердце его и обливалось кровью при взгляде на пустеющие лотки, твердо ответил:

— Будем. Нужно смотреть в будущее. Эти медяжки сейчас — пустяк. Главное, чтобы имя мясной лавки семьи Лю снова было у всех на устах.

Впрочем, за этими громкими словами скрывалась простая человеческая жадность: Сяо Бао заметил, как собеседник невольно сжимает пальцы, пересчитывая выручку, и не смог сдержать доброй улыбки.

***

Весть о том, что Лю Тяньцзяо снова открыл лавку, быстро долетела до деревни. Соседи качали головами, считая, что малый совсем лишился рассудка, решив в одиночку тягаться с городскими мясниками, среди которых не было ни одного слабака.

Кое кто из жалости пытался его вразумить:

— Цзяо-гэ'эр, торговал бы своими потрохами и горя не знал. Зачем тебе в мясное дело лезть? Ты молод еще, не знаешь, сколько там подводных камней.

Тяньцзяо лишь посмеивался в ответ:

— Я при отце годы напролет мясо продавал, неужто не справлюсь? Не беспокойтесь, я и сам не промах.

Если притязания Лю Дафы он еще терпел из-за родства, то до чужих пересудов ему и вовсе не было дела. Не зря же он столько лет учился мастерству.

Видя его упрямство, сельчане махнули рукой, решив просто подождать, когда самоуверенный

гэ'эр споткнется и набьет себе шишек.

Разумеется, в старом доме семьи Лю тоже узнали о делах Тяньцзяо. Как-то раз Лю Чэнци, направляясь с однокашниками в чайную, специально завернул к лавке.

— Цзяо-гэ'эр, как поживаешь? — с напускным сочувствием начал он. — Мясники — народ грубый, а ты тут у них кусок хлеба отнимаешь. Будь осторожен, а не то, случись что, как я буду перед дядей отчитываться?

Тяньцзяо с глухим стуком вогнал топор в разделочную доску, разрубив ребро пополам.

— Не стоит беспокоиться, братец Чэнци. Я в полном порядке.

Лю Чэнци, словно не заметив угрозы, продолжал улыбаться:

— К чему такая холодность? Мы же одна семья. Кстати, как там Вэнькан? Видел я его на днях, вид у него был... скажем так, изнуренный.

Хозяин лавки смерил кузена колючим взглядом:

— А ты, я гляжу, прямо-таки сияешь. Видать, уже уверен, что первое место на экзамене у тебя в кармане?

Чэнци поперхнулся словами. Он зашел лишь для того, чтобы уколоть родственника, но никак не ожидал такого прямого выпада. Кто посмеет заранее объявлять себя победителем?

Один из его спутников тут же вступился за друга:

— Брат Лю наделен исключительным талантом, учителя не устают его хвалить. Естественно, его не сравнить с твоим мужем, который и книги-то в руках толком не держал.

Тяньцзяо усмехнулся:

— Что ж, поглядим. Увидим, действительно ли в братце Чэнци воплотился дух самого Вэньцюя.

Лю Чэнци подавил вспыхнувший гнев, сохраняя на лице привычную маску благопристойности. В душе он уже представлял, как этот дерзкий гэ'эр будет горько плакать, когда осознает свое ничтожество.

— Ты шутишь, Цзяо-гэ'эр. Нам пора, дела не ждут. Желаю тебе... процветания.

«Тьфу, чистоплюй», — Тяньцзяо проводил их взглядом.

Он отшвырнул нож на стол, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Если такой человек, как Чэнци, добьется власти, жизни от него не будет.

В тот вечер юноша, никогда не отличавшийся набожностью, специально купил две палочки благовоний. Одну он зажег за успех Вэнькана, а вторую — чтобы имя Лю Чэнци никогда не появилось в почетных списках.

Трудно сказать, подействовали ли подношения, но на следующий день на рынке только и разговоров было, что об итогах экзамена.

— Слыхали? Результаты вывесили! Уездный начальник велел поставить у списка стол, а на него водрузили груды серебра и документов на землю. Аж глаза слепит!

— И не говори. Знай я, что за учебу такие деньги дают, сам бы своих оболтусов в школу пристроил.

— Да много ты понимаешь! Разве каждому такое дается? Говорят, отобрали всего пятьдесят человек со всего уезда. Это потруднее, чем на сюцай выучиться.

— Да как же так? Сюцаев всего двадцать в год берут, а тут — пятьдесят. Выходит, сюцаем быть престижнее?

— Дурень ты! В этот раз задачи были такие, что иные сюцаи в тупик вставали. Знаешь, кто на этот экзамен пришел? Почти три десятка тех, кто уже имеет степень. Вот и думай теперь, где отбор строже.

У Тяньцзяо все внутри похолодело. Он знал, что испытание будет сложным, но не до такой же степени! Против Вэй Вэнькана, простолюдина без степени, проучившегося всего несколько месяцев, вышли десятки опытных книжников. Тут не то что в пятьдесят лучших, в первую сотню попасть — уже чудо.

Он только тяжело вздохнул, стараясь скрыть волнение.

— Да нет, я просто к слову спросил, — ответил он на вопрос любопытных.

«Если результат окажется плачевным, Вэнькану с его самолюбием будет невыносимо тяжело, — Тяньцзяо не хотел, чтобы об этом позоре судачили на каждом углу. — Позор будет на весь уезд».

Сяо Бао, заметив, как помрачнел хозяин, тоже притих, не решаясь лезть с расспросами.

Впрочем, вскоре Тяньцзяо взял себя в руки.

«Не пройдет — так не пройдет, — убеждал он себя. — Он молод, впереди еще много лет. Успеет еще».

***

Когда первые три дня ажиотажа прошли и подарки закончились, торговля пошла спокойнее. Тяньцзяо не унывал: закончив дела пораньше, он велел помощникам собираться домой.

Холода наступали стремительно. К тому времени, как они добрались до деревни, руки и ноги ооченели так, что пальцы едва слушались. Не успели они зайти в дом, как Цзян Минь вынес большой таз с горячей водой.

— Я хвороста набрал, пока траву на грядках полыл, — пояснил он, боясь, что его упрекнут в расточительности. — Отмокайте, пока не согреетесь.

Тяньцзяо в очередной раз похвалил себя за выбор помощников. Он достал еще одну лохань, и они втроем принялись греть ноги. Обжигающее тепло медленно разливалось по телу, возвращая жизнь замерзшим суставам.

После Тяньцзяо принялся за ужин. Помня о скромности братьев, он не стал готовить мясо, а просто потушил остатки свиной крови с сочной зеленью, сдобрив блюдо чесноком и имбирем для аромата.

На столе стоял привычный бурый рис, но, сдобренный горячей похлебкой из кровяной массы, он проглатывался легко и казался удивительно вкусным.

Сначала братья хотели отказаться от еды, как и утром, но Тяньцзяо заявил, что станет вычитать из платы Сяо Бао по одному медяку в день за пропитание Цзян Миня. Только тогда они согласились сесть за стол.

Возвращаясь к себе, Цзян Минь, поглаживая сытый живот, довольно зажмурился.

— Брат, а ведь Цзяо-гэ'эр замечательный человек. И папа твой тоже был очень добрым, правда?

— Почему ты так решил? — спросил Сяо Бао.

— Если бы у тебя не было такого хорошего папы, который нас приютил, разве встретили бы мы Цзяо-гэ'эра? Так что твой папа — самый лучший на свете.

У Сяо Бао вдруг защипало в глазах.

— Да... Он был лучшим папой. А ты у меня — лучший брат.

— Конечно! Только ты об этом часто не говори, а то вдруг такого замечательного брата кто-нибудь умыкнет?

Глядя на редкое озорство младшего братишки, Сяо Бао потрепал его по макушке, чувствуя, как на сердце становится тепло.

— Не бойся. Мы всегда будем вместе.

Когда мать бросила их, он чувствовал себя лишь обузой. Но когда крошечный брат в колыбели изо всех сил ухватился за его палец и доверчиво улыбнулся, он понял: он не лишний груз. Он — опора. И придет день, когда он сделает всё, чтобы его брат ни в чём не знал нужды.

<http://bllate.org/book/15343/1416567>